

СИНДРОМ ОТСТАВНОГО НАЧАЛЬНИКА

Истеричное поведение в изменившемся мире загоняет нас в изоляцию

Реакцию России на события вокруг Югославии и нашу роль в этих событиях, мне думается, можно охарактеризовать словами «жалкие» и «унизительные». Нас унизили и сербы, и натовцы. Причем унижение со стороны НАТО особенно неприятно, ибо НАТО явно специально унижать нас не хочет и даже говорит разные льстивые слова о ценной роли России. Максимум, чего мы сможем добиться в конфликте вокруг Косова, — это того, что Милошевич передаст через нас НАТО свои предложения, что будет изображаться как великая победа российской дипломатии. Так в чем же «жалкость» и унизительность нашей роли? В том, что мы против акции НАТО, а НАТО нас не послушалась? Отнюдь нет. В самих странах альянса против бомбежек выступают многие влиятельные силы. Против них — Индия и Китай, которых тоже не послушались. Между тем никто не скажет, что роль Индии или Китая — унизительна и что они жалки.

Мы же жалки не потому, что против бомбежек, а потому, что выражаем свой протест «не по-мужски». Потому, что говорим — хотя никто нас «за язык не тянул», — что вооруженных действий не допустим, чему верят легковверные сербы, и тут же допускаем, сами демонстрируя, что с нами не считаются. Затем закатываем истерики, кричим, что о нас «вытирают ноги», и пугаем мировой войной. Но пугаем только самих себя и тут же начинаем говорить, что не дадим втянуть себя в эту самую мировую войну. Мы жалки, потому что любому наблюдателю очевидно, что наши миролюбие и пацифизм — наиграны и лицемерны (только крайний лицемер может возмущаться в общем-то точечными ударами натовской авиации после того, как сам превратил в руины Грозный). У нас не было и нет никаких идей о разрешении сербо-албанского конфликта, кроме постоянно повторяющейся фразы — «политическими методами». Нам ни до сербов, ни до албанцев дела нет, а единственное, что нам нужно, — это чтобы «с нами считались» и признавали за «великую державу». Потому что наши мотивы — примитивные и плохо скрываемые, наши слова — страшные и путаные, а наши действия — суетливые, но никому не опасные.

И самое печальное здесь, что это отнюдь не потому, что у нас такой плохой МИД. Мне даже кажется, что он совсем уж не такой плохой, и на измученном лице Игоря Иванова, как мне представляется, лежит печать страдания из-за той роли, какую он вынужден играть, и тех слов, какие он должен говорить. Но ничего поделать он не может. Самое печальное в этой истерике, которую мы закатали миру, заключается в том, что она основывалась на «полном консенсусе» всех — от безумных жириновцев до интеллигентных яблочников. И МИД был вынужден действовать так, как от него требует массовое сознание (прежде всего, конечно, массовое сознание «политической элиты»). Это — далеко не первая наша бессильная истерика. Мы очень похоже вели себя и в проблеме расширения НАТО, и в других конфликтах. Это — просто одно из проявлений нашего устойчивого «внешнеполитического стиля».

Беда российской внешней политики не в том, что мы занимаем в каких-то вопросах неверную позицию. Можно быть и «за», и «против» вооруженного вмешательства в косовский конфликт. Просчитать все последствия того или иного шага очень трудно, и вполне может быть, что ошибку совершила как раз НАТО.

Вообще ошибки и промахи — неизбежны. Беда в нашем внешнеполитическом «стиле» и стоящими за ним национальном характере, психологии, мироощущении. Это — психология и мироощущение бывшего большого начальника, который стал отставником, но не может примириться со своей новой скромной ролью. Он уже никому не страшен, но продолжает пугать, грозить, требовать знаков уважения и избрания в разные президиумы («восьмерки»). Скандалит, когда с ним не посоветовались или не пригласили на какую-нибудь «элитную тусовку», третирует младших и фамильярничает с новыми начальниками. Это — жалкая психология человека, для которого самое важное быть «уважаемым» и вершить чужие судьбы, который уже не способен жить без всего этого и найти себе действительно интересные и полезные дела. И именно потому, что такой человек так стремится, чтобы с ним считались и его уважали, ему могут льстить, постоянно повторяя любимую им фразу «Россия — великая держава», и иногда приглашать на малозначимые «тусовки». Ему могут давать взаймы (ведь истерики никому не нужны), но уважать и действительно прислушиваться к его мнению никто не хочет. При этом он вполне может вернуть себе авторитет, если перестанет суетиться и надоедать всем своей «закомплексованностью» и займется делом. Но именно этого он и не может.

Россия сейчас как раз в положении такого «бывшего». Нам надо очень четко понять, что мы — не только уже не сверхдержава, но и никогда больше супердержавой не будем. Сверхдержавность царской России принадлежит тому времени, когда существовал грандиозный разрыв в силе между вырвавшимися вперед европейскими нациями и традиционалистским неевропейским миром, когда крохотные Нидерланды могли владеть громадной Индонезией, горстка англичан правила Индией, а в Китае европейцы считались только друг с другом, но отнюдь не с китайцами. В эту эпоху Россия могла бить турок ровно столько, сколько нам позволяли другие европейские державы, завоевывать Среднюю Азию и командовать в Китае. Но эти времена давно и безвозвратно прошли. Великодержавие колониально-европейского типа больше невозможно, ибо по мере усвоения западных достижений неевропейскими странами разрыв в могуществе Европы и остального мира сократился и будет сокращаться дальше. Сейчас смешно представить Китай как арену соперничества Англии, Франции и России, очень скоро быстро модернизирующийся Китай станет самой мощной страной мира. Великодержавие же Советского Союза, которое мы ошибочно воспринимали как прямое продолжение великодержавности старой России, проистекало лишь из мощи коммунистической идеологии, имевшей приверженцев и соответственно — друзей и союзников и среди английских лордов, становящихся добровольными шпионами, и среди африканских племен. И держалось это советское великодержавие столько, сколько была жива коммунистическая идеология. Когда же рухнул СССР, стало ясно, что Россия сама по себе — не такая уж большая и сильная страна. Только фантаст может предположить, что в следующем веке 150-миллионная Россия сможет тягаться по силе с миллиардными по численности западным миром, Китаем, Индией. Мы — относительно небольшая страна, что само по себе не страшно, ибо такая страна вполне может плодотворно жить и работать (можно быть не очень сильным физически человеком, но не страдать от этого). Правда, у нас — не очень удобное геополитическое положение. Мы объективно являемся чем-то вроде «буфера» между двумя великими «центрами силы» — западным и китайским, и между спокойным миром Европы и переживающими напряжения модернизации и вспышки агрессивности «опасными» мусульманскими странами. К тому же почти все соседи имеют какие-то старые обиды против нас. Но и это — не так уж

страшно. Пример немцев показывает, что, если в течение относительно долгого времени вести себя прилично, старые обиды забываются, а в роли буфера есть и свои преимущества. Кроме того, несколько унижительное понятие буфера можно легко преобразовать в благородную идею «моста». Никто на нас не нападет (если только мы сами не сойдем с ума и не устроим какой-нибудь «поход на юг», что очень маловероятно) и никто не вынашивает планы нас завоевывать. Страшно только одно — наша неспособность взглянуть в лицо реальности и психологически к ней адаптироваться, наше истерическое поведение, загоняющее нас в изоляцию и не дающее сосредоточиться на реальных внутренних проблемах.

Менять нам надо не ту или иную позицию, не ту или иную оценку внешнеполитических событий. Менять надо стиль поведения. Но именно это — самое трудное, ибо стиль — это сам человек, его характер, и изменить его, как показала вся постсоветская история, невероятно трудно...